

Чёрная курица, или Подземные жители (сборник)

Автор:

Антоний Погорельский

Чёрная курица, или Подземные жители (сборник)

Антоний Погорельский

Школьная библиотека (Детская литература)

В книгу вошли две знаменитые повести «Чёрная курица, или Подземные жители» и «Лафертовская Маковница».

Для среднего школьного возраста.

Антоний Погорельский

Чёрная курица, или Подземные жители. Лафертовская Маковница

© Сапожков С., вступительная статья, 1992

© Аникин В., послесловие и примечания, 2007

© Дехтерев Б., наследники, иллюстрации, 1992

© Оформление серии. ОАО «Издательство «Детская литература», 2007

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

«Гений, парадоксов друг...»

Ощущение какой-то двойственности, недосказанности остается у читателя, когда он закрывает последнюю страницу повестей Антония Погорельского.

В самом деле, только что сватавшийся к Маше титулярный советник Аристарх Фалелеич Мурлыкин, выйдя из дому, «вдруг повернул за угол и пустился бежать как стрела. Большая соседская собака с громким лаем во всю прыть кинулась за ним...» И хотя, как уверяет Машу Онуфрич, «титулярный советник не может быть котом или кот титулярным советником», факт остается фактом: Аристарх Фалелеич умудряется быть тем и другим одновременно! Также и Алеша из «Черной курицы» поначалу никак не может взять в толк, кого же он, в конце концов, спас: главного министра подземного королевства, как его уверяют, или всего лишь обыкновенную курицу, «которую не любила кухарка за то, что не снесла она ни одного яйца»? Но теперь уже «опровержение» короля: «Мой министр не курица, а заслуженный чиновник!» – звучит для читателя явно комично, ведь мы-то прекрасно знаем, что в мире Алеши этот «заслуженный чиновник» – точно – курица... Подчас кажется, что в сознании персонажей Погорельского реальный и фантастический миры сосуществуют параллельно, совершенно не пересекаясь. Так, для одних жителей смерть Маковницы выглядела вполне обыкновенно и заурядно. Но другие в то же самое время наблюдали странные и непонятные вещи: прыгающие огоньки, вой собак, сильную бурю вокруг дома старухи, «тогда как везде погода стояла тихая». Кажется, еще немного – и мы готовы воскликнуть, как памятный всем читатель гоголевского «Носа»: «Признаюсь, это уж совсем непостижимо, это точно... нет, нет, совсем не понимаю. Во-первых, пользы отечеству решительно никакой; во-вторых... Но и во-вторых тоже нет пользы. Просто я не знаю, что это...» Действительно, или кот – или титулярный советник, или курица – или министр,

или обычные похороны – или «блуждающие огоньки»... Надо бы что-то одно, понятное, устойчивое... А тут знакомое, очевидное, не переставая быть таковым, вдруг ни с того ни с сего замерцает, засветится своей неожиданно открывшейся глубиной. А волшебное, опять-таки оставаясь волшебным, кажется естественным продолжением обыденного, привычного. И тогда напрашивается крамольный вывод: так неужели разница между курицей и государственным министром не абсолютна, но относительна?! Но в этом случае рушится «порядок» и наступает сущее «беззаконие». Выходит, все то, что на первый взгляд представляется волшебным, отнюдь не всегда оказывается подлинно фантастическим, а то, что есть действительно, часто вовсе не является одновременно и реальным. Такое открытие для «государственного министра», безусловно, чревато большими неприятностями... Посчитал же учитель откровенный рассказ Алеши о подземной стране злой насмешкой над ним, ученым и солидным человеком!

Таким образом, действительность в изображении Погорельского предстала не плоскостной, не одномерной. Она вдруг обнаружила таящиеся внутри нее новые, доселе неизвестные стороны, принципиальную неисчерпаемость, несводимость к какому-либо одному толкованию или смыслу. И это открытие писателя имело громадное значение для всей последующей русской литературы. Уже Пушкин и Гоголь в своей фантастической прозе 1830-х годов развили найденный Погорельским принцип относительности бытия, показав парадоксальную многомерность и объемность жизни. Недаром в «Гробовщике» Пушкин вспоминает именно почтальона Онуфрича, обозначив исток культурной традиции.

«Гений, парадоксов друг...» – этой знаменитой пушкинской формулой можно определить суть художественного новаторства Погорельского в жанре фантастической повести.

Всматриваясь в биографию писателя, мы тоже видим в ней не одного, а по крайней мере двух совершенно не похожих друг на друга людей. Один развлекается, шутит, вплоть до того, что, прикинувшись отвергнутым любовником, отчаянно прыгает в старый, заросший тиной пруд, насмерть перепугав простодушного отца невесты. Другой ревизует губернии, слывет исполнителем, аккуратным чиновником. Один эпатирует официальное мнение, сначала отказавшись от богатого состояния отца, а затем восстав против рутины университетских церемоний. Другой ратует за сохранение телесных наказаний, сводит на нет и без того уже иллюзорную

самостоятельность университетов и до смешного самолюбиво оспаривает с губернским предводителем дворянства место у гроба с телом покойного Александра I.

Читатель вправе спросить: так какой же из двух настоящий Перовский? Думается, и тот и другой! Мы сталкиваемся здесь с так называемым явлением жизнестроения, весьма характерной чертой литературного быта 1810–1820-х годов. Не удовлетворенные наличным ординарным миром, писатели-романтики старались всячески эстетизировать этот мир, организовать его по законам одухотворенной литературной игры. Стремясь быть поэтами не только в своих сочинениях, но и в реальных поступках, романтики как бы поверх действительного мира воздвигали мир своей фантазии, и уже в этом случае поэтическая игра, взятая литературная «роль» осознавалась не как фикция, а становилась самой жизнью. «Жизнью земною играла она, как младенец игрушкой» – смысл этих слов А. А. Дельвига, адресованных хозяйке известного литературного салона С. Д. Пономаревой, отчасти можно отнести и к такому мастеру поэтической мистификации, каким был Антоний Погорельский.

Через два с небольшим года после окончания Московского университета, в 1810 году, двадцатитрехлетний доктор ботаники и коллежский асессор Алексей Алексеевич Перовский, будущий писатель Антоний Погорельский, возвращается в Москву. Здесь он сближается со своим давним знакомым, уже известным к тому времени поэтом П. А. Вяземским.

И вот вчерашний ревизор буквально на глазах московской публики перевоплощается в забавного шутника и остроумца. Он с головой окунается в атмосферу веселых розыгрышей, на какие только была способна неистощимая фантазия членов «дружеской артели» поэтов (в нее кроме Вяземского входили В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, Д. В. Давыдов, В. Л. Пушкин, Ал. Тургенев). Об озорных проделках молодого Перовского в Москве ходили легенды, часть из которых Вяземский сохранил в своей «Старой записной книжке».

Абдул визирь

На лбу пузырь

Свой холит и лелеет,

Bayle, геометр,

Взяв термометр,

Пшеницу в поле сеет.

Эта шуточная галиматья Перовского (а в таком духе было написано еще семь куплетов) была им поднесена самому А. А. Прокоповичу-Антонскому, тогдашнему ректору Московского университета и председателю общества любителей словесности. Или еще эпизод, зафиксированный все тем же Вяземским. Однажды, выдав себя за великого мастера масонской ложи, Перовский уверил сослуживца в том, что он самолично может принять его в масоны. «Тут, – рассказывает Вяземский, – выдумывал он разные смешные испытания, через которые новообращенный покорно и охотно проходил. Наконец заставил он его расписаться в том, что он бобра не убил».

Такое поведение молодого человека на первый взгляд плохо согласуется с карьерой преуспевающего чиновника, побочного сына вельможи, министра просвещения при Александре I графа Алексея Кирилловича Разумовского. Но это только на первый взгляд. На самом деле подобный образ жизни связан, пусть и косвенно, с глубинами общественного сознания человека 10–20-х годов XIX века. Сошлемся лишь на пример И. А. Крылова. Уже при жизни биография великого баснописца обросла легендами. То он, желая испробовать прелесть «золотого века», наряжался Адамом и, обросший, «дикий», представал в таком виде перед своим сановным покровителем. То мог явиться к государыне по ее просьбе и «вдруг» обнаружить, что из порванного сапога торчат пальцы... Обратной стороной такого чудачества было явное желание как бы выйти за рамки социального стереотипа поведения, нарушить незыблемую норму общественного этикета. По сути, тут многое восходило к национально-культурной маске древнерусского шута, юродивого, который как бы выпадал из системы существующих общественных связей, а потому мог подчас сказать царю то, на что не отважился бы и самый приближенный вельможа.

При всей консервативности убеждений Перовского отголоски не этого ли образа мыслей проглядывают в некоторых фактах его духовной биографии? Вот Перовский демонстративно в 1822 году, после смерти Разумовского, отказывается от богатого завещания, стремясь, по словам брата, доказать, что они (т. е. он и брат) – «выше расчетов и интересов» и что «перед Богом нет разницы между детьми законными и незаконными...». В 1829 году сенатор Горголи пожалуется ему, уже действительному статскому советнику и попечителю Харьковского учебного округа, – профессор Харьковского университета Брандейс, видите ли, осмелился во время торжественного акта

произнести речь не в мундире, а во фраке! И Перовский вновь дерзко подчеркнет условность границы между «законным» и «незаконным»: «...Неимение университетского мундира... я считаю обстоятельством столь маловажным, что если бы 30 августа мне случилось быть в Харькове, то я нимало бы не усумнился позволить г. Брандейсу читать сочиненную им речь во фраке».

Литературные герои Погорельского, под стать их автору, в некоторых случаях поступают «выше расчетов и интересов», отказываются от себя «обычного», «нормального» – и именно в этот-то миг они и обретают свое подлинное «я». Маша из «Лафертовской Маковницы» (1825) – послушная дочь своей матери. Лишь один раз осмелилась она «согрешить», ослушаться: не согласилась выйти замуж за назначенного ей первого жениха – богатого титулярного советника Мурлыкина, неожиданно выбросила в колодезь так долго хранимый ею дьявольский ключ... Именно в эту минуту непокорная, «неправильная» Маша, оказывается, и совершает первый правильный поступок и, как следствие, соединяется с любимым Улианом.

Уже современники писателя отмечали заметную связь фантастических образов «Лафертовской Маковницы» с «нереальной реальностью» или, точнее, с двоемирием знаменитого немецкого романтика Э. Т. А. Гофмана. Однако у Погорельского вторжение фантастики в действительность, в отличие от Гофмана, отнюдь не является чем-то губительным, фатальным, тем, что герои изменить не в состоянии.

Человек в мире Погорельского находится не по ту сторону добра и зла. Именно от его нравственного выбора и зависит, что в конечном счете восторжествует. Поэтому кульминацию своих повестей Погорельский весьма отчетливо строит как ситуацию выбора – она-то и решает исход конфликта. Так, Маша делает выбор между двумя женихами – Мурлыкиным и Улианом. Алеша тоже делает свой выбор, отвечая на вопрос короля о том, что бы он хотел пожелать себе в награду... Нет нужды здесь подробно объяснять, что именно выбрал в сходной ситуации каждый из этих героев. Читатель, прочитавший повести, и сам без труда это сделает. Стоит лишь отметить, что Погорельский намеренно заостряет вопрос о личной ответственности человека за все происходящее в этом прекрасном, но таком хрупком и непрочном мире, предвосхищая пафос этических исканий героев Ф. М. Достоевского.

Таким образом, Погорельский дал впервые глубоко национальный по своей сути и форме вариант фантастической повести.

Уже говорилось, в частности, о влиянии фантастических повестей немецкого романтика Гофмана на «Лафертовскую Маковницу». Сюжетные параллели можно найти и в «Черной курице». Так, сцена охоты на крыс в повести напоминает образы знаменитой сказки Гофмана «Щелкунчик и Мышиный король». Еще больше сходства у «Черной курицы» со сказкой-новеллой другого известного немецкого романтика Л. Тика «Эльфы». В ней тоже рассказывается о жизни ребенка – девочки Марии в сказочной стране эльфов и о губительных последствиях, которые повлекло возвращение героини в ее обычный мир. Мария сразу повзрослела на семь лет, «земной блеск казался ей мрачен, присутствие людей ничтожно».

Но как же по-разному объясняют немецкий и русский романтики причины и смысл постигшей детей трагедии! Для Л. Тика ребенок олицетворяет как бы первооснову жизни: своей непосредственностью детское сознание быстрее и лучше проникает в сущность природы, чем разум родителей, отягощенный несовершенством и вещной материальностью их взрослого мира. Для немецких романтиков столкновение ребенка с жестокой реальностью не страшно до тех пор, пока он – ребенок. Алеша же Погорельского изначально вовсе не идеальный «сын гармонии», а обычный мальчик с точно обрисованными особенностями детской психики. Детство само по себе, с точки зрения Погорельского, вовсе не является «охранной грамотой» от дурных и необдуманных поступков. Если немецкие романтики особенно ценили в ребенке простоту и непосредственность его натуры, то Погорельский дает понять, что именно эти качества Алеши и привели к разрушению сказочной идиллии. Сначала любопытство мальчика, который не мог утерпеть, чтоб не попросить у кошки лапку, чуть не погубило Чернушку. Затем Алеша, по-детски не обдумав своего поступка, высказал королю подземной страны опрометчивое пожелание. И наконец, опять-таки не понимая, что делает, раскрыл в классе тайну подземного царства... Погорельский, таким образом, никак не хочет согласиться с мыслью о несовместимости детского и реального миров, которую декларирует в тех же «Эльфах» Л. Тик: «Малютка наша неестественно хороша, земля ей не может нравиться».

Погорельский-писатель неотделим в «Черной курице» от Перовского-педагога. Ведь и задумывалась волшебная повесть для племянника писателя – Алеши, будущего знаменитого русского писателя А. К. Толстого. Последние годы своей жизни (Перовский умер в 1836 году, видимо от туберкулеза) он почти без остатка отдал воспитанию племянника. Поездка с ним в Германию, где мальчик познакомился с Гёте. Усиленные занятия иностранными языками, для чего

приглашались лучшие учителя и гувернеры... Затем путешествие с юным воспитанником по Италии.

«В очень короткое время я научился отличать прекрасное от посредственного, я выучил имена всех живописцев, всех скульпторов и немного из их биографии, и я почти что мог соревноваться с знатоками в оценке картин и изваяний», – записывал Алеша Толстой в своем путевом дневнике. Но не только отрешенное чувство изящного стремился воспитать в мальчике мудрый наставник. Красота, с точки зрения Перовского, одухотворена любовью ко всему живому. А потому он то опишет юному воспитаннику свои впечатления от петербургского зверинца, то пришлет в подарок мальчику живого лося, но предупреждает, что он опасен: «Помни же, мой милый Алехаша, и сам близко не подходи, и маму не пускай». То просит стараться быть умным, кланяться гувернеру и не забыть погладить собачку Каро...

«Искусство... которое диких и скитающихся людей делает кроткими и общежительными» – так определял девятнадцатилетний доктор наук сущность ботаники. Можно с уверенностью сказать, что этому непростому искусству учат и публикуемые здесь две повести Погорельского да и все его творчество, знакомство с которым у читателя этой книжки, несомненно, еще впереди.

С. Сапожков

ЧЕРНАЯ КУРИЦА, или ПОДЗЕМНЫЕ ЖИТЕЛИ

Лет сорок тому назад*[1 - Пояснение слов и выражений, отмеченных «звездочкой», см. в Примечаниях.], в С.-Петербурге на Васильевском Острове, в Первой линии*, жил-был содержатель мужского пансиона*, который еще до сих пор, вероятно, у многих остался в свежей памяти, хотя дом, где пансион тот помещался, давно уже уступил место другому, несколько не похожему на прежний. В то время Петербург наш уже славился в целой Европе своею красотой, хотя и далеко еще не был таким, каков теперь.

Тогда на проспектах Васильевского Острова не было веселых тенистых аллей: деревянные подмости, часто из гнилых досок сколоченные, заступали место нынешних прекрасных тротуаров. Исаакиевский мост*, узкий в то время и неровный, совсем иной представлял вид, нежели как теперь; да и самая площадь Исаакиевская вовсе не такова была. Тогда монумент Петра Великого от Исаакиевской площади* отделен был канавою; Адмиралтейство* не было обсажено деревьями, манеж Конногвардейский* не украшал площади прекрасным нынешним фасадом, – одним словом, Петербург тогдашний не то был, что теперешний. Города перед людьми имеют, между прочим, то преимущество, что они иногда с годами становятся красивее... Впрочем, не о том теперь идет дело. В другой раз и при другом случае я, может быть, поговорю с вами пространнее о переменах, происшедших в Петербурге в течение моего века, теперь же обратимся опять к пансиону, который лет сорок тому назад находился на Васильевском Острове, в Первой линии.

Дом, которого вы теперь – как уже вам сказывал – не найдете, был о двух этажах, крытый голландскими черепицами. Крыльцо, по которому в него входили, было деревянное и выдавалось на улицу. Из сеней довольно крутая лестница вела в верхнее жилье, состоявшее из восьми или девяти комнат, в которых с одной стороны жил содержатель пансиона, а с другой были классы. Дортуары, или спальня детей, находились в нижнем этаже, по правую сторону сеней, а по левую жили две старушки голландки, из которых каждой было более ста лет и которые собственными глазами видали Петра Великого и даже с ним говаривали. В нынешнее время вряд ли в целой России вы встретите человека, который бы видал Петра Великого; настанет время, когда и наши следы сотрутся с лица земного! Все проходит, все исчезает в бренном мире нашем... но не о том теперь идет дело.

В числе тридцати или сорока детей, обучавшихся в том пансионе, находился один мальчик, по имени Алеша, которому тогда было не более 9 или 10 лет.

Родители его, жившие далеко-далеко от Петербурга, года за два перед тем привезли его в столицу, отдали в пансион и возвратились домой, заплатив учителю условленную плату за несколько лет вперед. Алеша был мальчик умный, милый, учился хорошо, и все его любили и ласкали. Однако, несмотря на то, ему часто скучно бывало в пансионе, а иногда даже и грустно. Особливо* сначала он никак не мог привыкнуть к мысли, что он разлучен с родными своими. Но потом мало-помалу он стал привыкать к своему положению, и бывали даже минуты, когда, играя с товарищами, он думал, что в пансионе гораздо веселее, нежели в родительском доме. Вообще дни учения для него проходили скоро и приятно, но когда наставала суббота и все товарищи его спешили домой к родным, тогда Алеша горько чувствовал свое одиночество. По воскресеньям и праздникам он весь день оставался один, и тогда единственным утешением его было чтение книг, которые учитель позволял ему брать из небольшой своей библиотеки. Учитель был родом немец, в то время в немецкой литературе господствовала мода на рыцарские романы и на волшебные повести, и библиотека эта большею частью состояла из книг сего рода.

Итак, Алеша, будучи еще в десятилетнем возрасте, знал уже наизусть деяния славнейших рыцарей, по крайней мере так, как они описаны были в романах. Любимое его занятие в длинные зимние вечера, по воскресеньям и другим праздничным дням было мысленно переноситься в старинные, давно прошедшие веки... Особливо в вакантное время*, как, например, об Рождестве или в светлое Христово воскресенье, – когда он бывал разлучен надолго со своими товарищами, когда часто целые дни просиживал в уединении, – юное воображение его бродило по рыцарским замкам, по страшным развалинам или по темным, дремучим лесам.

Я забыл сказать вам, что к этому дому принадлежал довольно просторный двор, отделенный от переулка деревянным забором из барочных досок*. Ворота и калитка, кои вели в переулок, всегда были заперты, и поэтому Алеше никогда не удавалось побывать в этом переулке, который сильно возбуждал его любопытство. Всякий раз, когда позволяли ему в часы отдыха играть на дворе, первое движение его было – подбегать к забору. Тут он становился на цыпочки и пристально смотрел в круглые дырочки, которыми был усеян забор. Алеша не знал, что дырочки эти происходили от деревянных гвоздей, которыми прежде сколочены были барки, и ему казалось, что какая-нибудь добрая волшебница нарочно для него повертела эти дырочки. Он все ожидал, что когда-нибудь эта волшебница явится в переулке и сквозь дырочку подаст ему игрушку, или талисман*, или письмецо от папеньки или маменьки, от которых не получал он давно уже никакого известия. Но, к крайнему его сожалению, не являлся никто

даже похожий на волшебницу.

Другое занятие Алеши состояло в том, чтобы кормить курочек, которые жили около забора в нарочно для них выстроенном домике и целый день играли и бегали на дворе. Алеша очень коротко с ними познакомился, всех знал по имени, разнимал их драки, а забияк наказывал тем, что иногда несколько дней сряду не давал им ничего от крошек, которые всегда после обеда и ужина он собирал со скатерти. Между курами он особенно любил черную хохлатую, названную Чернушкой. Чернушка была к нему ласковее других; она даже иногда позволяла себя гладить, и поэтому Алеша лучшие кусочки приносил ей. Она была нрава тихого; редко прохаживалась с другими и, казалось, любила Алешу более, нежели подруг своих.

Однажды (это было во время вакаций, между Новым годом и Крещеньем, – день был прекрасный и необыкновенно теплый, не более трех или четырех градусов мороза) Алеше позволили поиграть на дворе. В тот день учитель и жена его в больших были хлопотах. Они давали обед директору училищ, и еще накануне, с утра до позднего вечера, везде в доме мыли полы, вытирали пыль и вощили красного дерева столы и комоды. Сам учитель ездил закупать провизию для стола: белую архангельскую телятину, огромный окорок и из Милютиных лавок* киевское варенье. Алеша тоже по мере сил способствовал приготовлениям: его заставили из белой бумаги вырезать красивую сетку на окорок и украшать бумажною резьбою нарочно купленные шесть восковых свечей. В назначенный день поутру явился парикмахер и показал свое искусство над буклями, тупеем* и длинной косой учителя. Потом принялся за супругу его, на помадил и напудрил у нее локоны и шиньон и взгромоздил на ее голове целую оранжерею разных цветов*, между которыми блистали искусным образом помещенные два бриллиантовых перстня, когда-то подаренные мужу ее родителями учеников. По окончании головного убора накинула она на себя старый, изношенный салоп* и отправилась хлопотать по хозяйству, наблюдая при том строго, чтоб как-нибудь не испортилась прическа; и для того сама она не входила в кухню, а давала приказания своей кухарке стоя в дверях. В необходимых же случаях посылала туда мужа своего, у которого прическа не так была высока.

В продолжение всех этих забот Алешу нашего совсем забыли, и он тем воспользовался, чтоб на просторе играть во дворе. По обыкновению своему, он подошел сначала к дощатому забору и долго смотрел в дырочку; но и в этот день никто почти не проходил по переулку, и он со вздохом обратился к любезным своим курочкам. Не успел он присесть на бревно и только начал манить их к себе, как вдруг увидел подле себя кухарку с большим ножом. Алеше никогда не нравилась эта кухарка – сердитая и бранчливая чухонка*. Но с тех пор как он заметил, что она-то была причиною, что от времени до времени уменьшалось число его курочек, он еще менее стал ее любить. Когда же однажды нечаянно увидел он в кухне одного хорошенького, очень любимого им петушка, повешенного за ноги с перерезанным горлом, то возымел он к ней ужас и отвращение. Увидев ее теперь с ножом, он тотчас догадался, что это значит, и, чувствуя с горестию, что он не в силах помочь своим друзьям, вскочил и побежал далеко прочь.

– Алеша, Алеша! Помоги мне поймать курицу! – кричала кухарка, но Алеша принялся бежать еще пуще, спрятался у забора за курятником и сам не замечал, как слезки одна за другою выкатывались из его глаз и упали на землю.

Довольно долго стоял он у курятника, и сердце в нем сильно билось, между тем как кухарка бегала по двору – то манила курочек: «Цып, цып, цып!» – то бранила их по-чухонски.

Вдруг сердце у Алеши еще сильнее забилося: ему послышался голос любимой его Чернушки! Она кудахтала самым отчаянным образом, и ему показалось, что она кричит:

Куда?х, куда?х, куду?ху!

Алеша, спаси Чернуху!

Куду?ху, куду?ху,

Чернуху, Чернуху!

Алеша никак не мог долее оставаться на своем месте. Он, громко всхлипывая, побежал к кухарке и бросился к ней на шею в ту самую минуту, как она поймала уже Чернушку за крыло.

– Любезная, милая Тринушка! – вскричал он, обливаясь слезами. – Пожалуйста, не тронь мою Чернуху!

Алеша так неожиданно бросился на шею к кухарке, что она упустила из рук Чернушку, которая, воспользовавшись этим, от страха взлетела на кровлю сарая и там продолжала кудахтать. Но Алеше теперь слышалось, будто она дразнит кухарку и кричит:

Куда?х, куда?х, кудуху?!

Не поймала ты Чернуху!

Кудуху, кудуху!

Чернуху, Чернуху!

Между тем кухарка была вне себя от досады.

– Ру?ммаль пойсь!* – кричала она. – Вот-та я паду кассаину и пашалюсь. Шорна курис нада ре?жить... Он ленива... Он яишка не делать, он сыплатка не си?жить.

Тут хотела она бежать к учителю, но Алеша не пустил ее. Он прицепился к полам ее платья и так умильно стал просить, что она остановилась.

– Душенька, Тринушка! – говорил он. – Ты такая хорошенькая, чистенькая, добренькая... Пожалуйста, оставь мою Чернушку! Вот посмотри, что я тебе подарю, если ты будешь добра!

Алеша вынул из кармана империал*, составлявший все его имение*, который берег пуще глаза своего, потому что это был подарок доброй его бабушки. Кухарка взглянула на золотую монету, окинула взором окошки дома, чтобы удостовериться, что никто их не видит, и протянула руку за империалом. Алеше очень, очень было жаль империала, но он вспомнил о Чернушке – и с твердостью отдал драгоценный подарок.

Таким образом Чернушка была спасена от жестокой и неминуемой смерти.

Лишь только кухарка удалилась в дом, Чернушка слетела с кровли и подбежала к Алеше. Она как будто знала, что он ее избавитель, – кружилась около него, хлопала крыльями и кудахтала веселым голосом. Все утро она ходила за ним по двору, как собачка, и казалось, будто что-то хочет сказать ему, да не может. По крайней мере он никак не мог разобрать ее кудахтанья.

Часа за два перед обедом начали собираться гости. Алешу позвали наверх, надели на него рубашку с круглым воротником и батистовыми манжетами с мелкими складками, белые шароварцы и широкий шелковый голубой кушак. Длинные русые волосы, висевшие у него почти до пояса, хорошенько расчесали, разделили на две ровные части и переложили наперед – по обе стороны груди. Так наряжали тогда детей. Потом научили, каким образом он должен шаркнуть ногой, когда войдет в комнату директор, и что должен отвечать, если будут сделаны ему какие-нибудь вопросы. В другое время Алеша был бы очень рад приезду директора, которого давно хотелось ему видеть, потому что, судя по почтению, с каким отзывались о нем учитель и учительша, он воображал, что это должен быть какой-нибудь знаменитый рыцарь в блестящих латах и в шлеме с большими перьями. Но на этот раз любопытство это уступило место мысли, исключительно его тогда занимавшей, – о черной курице. Ему все представлялось, как кухарка за нею бегала с ножом и как Чернушка кудахтала разными голосами. Притом ему очень досадно было, что не мог он разобрать, что она ему сказать хотела, и его так и тянуло к курятнику... Но делать было нечего: надлежало дожидаться, пока кончится обед!

Наконец приехал директор. Приезд его возвестила учительша, давно уже сидевшая у окна, пристально смотря в ту сторону, откуда его ждали. Все пришло в движение: учитель стремглав бросился из дверей, чтобы встретить его внизу, у крыльца; гости встали с мест своих. И даже Алеша на минуту забыл о своей курочке и подошел к окну, чтобы посмотреть, как рыцарь будет слезать с ретивого коня. Но ему не удалось увидеть его: директор уже успел войти в дом. У крыльца же вместо ретивого коня стояли обыкновенные извозчичьи сани. Алеша очень этому удивился. «Если бы я был рыцарь, – подумал он, – то никогда тогда бы не ездил на извозчике, а всегда верхом!»

Между тем отворили настежь все двери; и учительша начала приседать* в ожидании столь почтенного гостя, который вскоре потом показался. Сперва нельзя было видеть его за толстою учительшею, стоявшею в самых дверях; но когда она, окончив длинное приветствие свое, присела ниже обыкновенного, Алеша, к крайнему удивлению, из-за нее увидел... не шлем пернатый, но просто маленькую лысую головку, набело распудренную, единственным украшением которой, как после заметил Алеша, был маленький пучок! Когда вошел он в гостиную, Алеша еще более удивился, увидев, что, несмотря на простой серый фрак*, бывший на директоре вместо блестящих лат, все обращались с ним необыкновенно почтительно.

Сколь, однако ж, ни казалось все это странным Алеше, сколь в другое время он бы ни был обрадован необыкновенным убранством стола, но в этот день он не обращал большого на то внимания. У него в головке все бродило утреннее происшествие с Чернушкой. Подали десерт: разного рода варенья, яблоки, бергамоты*, финики, винные ягоды* и грецкие орехи; но и тут он ни на одно мгновение не переставал помышлять о своей курочке. И только что встали из-за стола, как он с трепещущим от страха и надежды сердцем подошел к учителю и спросил, можно ли идти поиграть во дворе.

– Подите, – отвечал учитель, – только не долго там будьте: уж скоро сделается темно.

Алеша поспешно надел свою красную бекешу на беличьем меху* и зеленую бархатную шапочку с собольим околышком и побежал к забору. Когда он туда прибыл, курочки уже начали собираться на ночлег и, сонные, не очень обрадовались принесенным крошкам. Одна Чернушка, казалось, не чувствовала охоты ко сну: она весело к нему подбежала, захлопала крыльями и опять начала кудахтать. Алеша долго с ней играл; наконец, когда сделалось темно и настала пора идти домой, он сам затворил курятник, удостоверившись наперед, что любезная его курочка уселась на шесте. Когда он выходил из курятника, ему показалось, что глаза у Чернушки светятся в темноте, как звездочки, и что она тихонько ему говорит:

– Алеша, Алеша! Остайся со мною!

Алеша возвратился в дом и весь вечер просидел один в классных комнатах, между тем как на другой половине часу до одиннадцатого пробыли гости и на

нескольких столах играли в вист*. Прежде нежели они разъехались, Алеша пошел в нижний этаж, в спальню, разделся, лег в постель и потушил огонь. Долго не мог он заснуть. Наконец сон его преодолел, и он только что успел во сне разговориться с Чернушкой, как, к сожалению, пробужден был шумом разъезжающихся гостей. Немного погодя учитель, провожавший директора со свечкою, вошел к нему в комнату, посмотрел, все ли в порядке, и вышел вон, замкнув дверь ключом.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Пояснение слов и выражений, отмеченных «звездочкой», см. в Примечаниях.

Купить: https://tellnovel.com/pogorel-skiy_antoniy/chernaya-kurica-ili-podzemnye-zhiteli-sbornik

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)